

В начале копали могилу без особых затруднений. Плотный слой заледевшего снега, покрывавший вершину невысокого холма, где расположилось старинное сельское кладбище, поддавался легко. Так же без особого труда лопатами и ломami сняли поверхность глыбы чернозема, отчего предстоящая работа даже стала казаться удобной халявой взамен долгого и изнурительного рабочего дня на производстве.

Но не успели могильщики углубиться и на полметра, как все застопорилось. Под слоем чернозема обнаружился пласт смерзшейся глины — крепчайший, как камень, монолит. Тяжелые ломы, топоры, приваренные к длинным рукояткам, клинья, забиваемые в грунт кувалдами — весь этот инструмент от ударов либо вибрировал, грозя вывихнуть руки и плечи, либо норовил отскочить в сторону, грозя травмами. Били так, что искры высекались, а углубиться в землю удалось едва на половину от необходимого; и было ясно, что за сегодняшний день работа не будет закончена, несмотря на тяжелейшие усилия шести человек.

А начиналось утро этого дня обыденно. Трое друзей-работяг, Стас, Санек и Михалыч, встретились в раздевалке, переодевались, готовились к работе, переговариваясь о том о сем. Занимались они отвер-

точной сборкой телевизоров из иностранных деталей — работой нудной, монотонной, утомительной. Но и такой нынче приходилось дорожить — где еще найдешь рабочее место, когда тебе за сорок лет и даже почти пятьдесят.

— Слышь, Михалыч! — обратился Стас к старшему из троицы. — В обед не составишь компанию за проходную сходить? А то мы вчера дома тещу мою поминали — ну и сегодня надо бы полечиться...

— У него два варианта! — отозвался за товарища Санек. — Как у батьки Лукашенко на референдуме: «Да, я не против», и «Нет, я не против». И вообще, ехал бы ты, старый, в Беларусь! Глядишь, снова начальником бы стал каким-нибудь! У них и язык простой: как слышится, так и пишется!

— Отставить аполитичные разговоры! — притворно-строго сказал Михалыч, бывший когда-то начальником отдела и партгором на уже несуществующем советском предприятии, а ныне почитавший за удачу и подвернувшееся под руку отверточное производство.

Этими шутками-прибаутками они словно отгораживались от предстоящей изнурительной пахоты в течение долгого рабочего дня.

Друзья уже подходили к табельной, когда открылась соседняя дверь, и оттуда вышел начальник телевизионного производства — высокий представительный мужчина, примерно одних лет с Михалычем, но весь безукоризненный вид которого и строгий взгляд выдавали в нем важного чиновника, почти небожителя, распоряжающегося судьбами простых смертных.

— Мужики, зайдите ко мне! — кивнул он работягам и, пропустив всех в кабинет, плотно закрыл за собой дверь.

Стас, Санек и Михалыч настороженно прошли к столу, гадая, что сулит им столь неожиданное приглашение. Но слова начальника быстро все разъяснили. Оказывается, у него умерла теща, и ее, само собой, надо было срочно похоронить — причем в дальнем глухом селе, на местном кладбище — такова была воля покойной. За это он предложил отгула, доставку до места и обратно, плюс кормежку и все прочее, полагающееся на таких работах. Требовалось только их согласие, насчет которого долго думать не пришлось. Любая работа на свежем воздухе лучше цеховой каторги у конвейера.

— Мы готовы! — ответил за всех Санек, вроде бы как неформальный лидер их трудовой ячейки.

— Отлично! — кивнул начальник. — Переодевайтесь и выходите во двор — там белая «газель», садитесь в нее, и вперед! Поедете через Северный район, к вам присоединятся мой сын и его друзья-офицеры. Место на кладбище вам покажут, инструменты у вас будут, словом, родственники покойной окажут всяческую помощь — будет и хорошая еда, и остальное, сами понимаете, ведь на морозе придется работать... Только не переборщите. Не успеете сегодня — закончите завтра. Все понятно? Тогда вперед! Да, и не болтайте особо об этой вашей командировке! — строго добавил он.

Вскоре они уже неслись в белой «газели» по Левому берегу, проскочили в первых рассветных лучах Северный мост, без особых затруднений проехали СХИ, миновали недавно построенную у Памятника Славы красную стеклянную пирамиду. Остановились перед засверкавшими в отсветах алой утренней зари куполами храма Ксении Петербургской. Здесь к ним присоединились трое крепких молодых парней в офицерских буш-

латах, шапках, унтах, теплых брюках и перчатках — сын начальника производства, старший лейтенант, и с ним двое лейтенантов. Похоронная команда была в сборе.

Ехать пришлось довольно долго. Вернее, большую часть пути они быстро пронесли по трассе, по мосту пересекли Дон, а затем дорога превратилась словно в качку на море. По бескрайнему снежному морю они двигались еле обозначенным проселком, будто колыхаясь на волнах. Сначала качка была как в пятибалльный «свежий ветер», затем — «сильный», «крепкий» и «очень крепкий» по шкале Бофорта, как определил Михалыч, который был заядлым рыбаком и четко разбирался в особенностях погоды, а вернее непогоды.

— Ты, видать, отец, во флоте служил? — уважительно обратился к знатоку непогоды один из офицеров. — Если сейчас вон как трясет в девять баллов, что же будет при десяти? И вообще, сколько их всего, этих уровней?

— При десяти — «сильный шторм», потом «жестокый шторм»; ну, а в самом конце, при двенадцати баллах — «ураган». Но мы его не выдержим! — невозмутимо ответил Михалыч, решив скромно умолчать о своей полной непринадлежности к морфлоту. — Ни один корабль в мире не может гарантированно пережить ураган — хоть авианосец, хоть атомный ледокол «Ленин»! — авторитетно добавил он.

— Все как в жизни, а жизнь — она как шкура зебры! — подал голос Санек. — Черная полоса, белая полоса — а в конце — задница!

— Как то место, куда мы едем, — вздохнул офицер. — И чего бабка не захотела в город перебираться? Безо всяких проблем похоронили бы, помянули...

— Да вот же, людей от дела отрывать бы не пришлось, — взглянул сын начальника производства на прикомандированных работяг.

Санек и Михалыч, переглянувшись, не стали его разубеждать. Стас же выглядел бледно — видать, его укачало, и он уже подумывал, не тормознуть ли машину, чтобы облегчить душу. Но тут машина сама остановилась, и голос из кабины громко возвестил: «Приехали!»

— Он сказал: «Приехали!» — облегченно вздохнул Санек. — Гагарин ты наш...

— К машине! — отдал привычную армейскую команду старлей, и запахнул дверь «газели».

Выгрузили ломы, топоры, лопаты, кувалды, клинья — и огляделись. Вокруг было бескрайнее белое поле, а над ним — такое же белое и бескрайнее небо. Никаких ориентиров — ни внизу, ни вверху. Только у невысокого продолговатого холма, где угадывалась запорошенная замерзшая речка, стояло десятка полтора сельских домишек старой постройки, и над крышами кое-где висели дымки — признак их обитаемости. На вершине же холма виднелись развалины древней церквушки, и вокруг нее — множество полузанесенных снегом кладбищенских крестов.

Шофер остался у машины: заглядывая под днище, он недовольно качал головой, а остальные, разобрав инструмент, двинулись в сторону церкви. Там их встретили две женщины — в шубах, валенках и черных платках. Указали место работы, а также отдыха — скамейки и столик у одной из могил, где стояли несколько сумок. Из них тут же вынули и разложили продукты, в основном свойские, деревенские: розовое с прослойкой сало, печеные яйца, куски жареной курицы; да еще моченые яблоки, соленые огурцы, а также несколько бутылок «Столичной-Крис-

таль» и граненые стаканы — бесмертное творение советского скульптора Веры Мухиной. О чем не преминул заметить постоянно информирующий всех обо всем Санек. Он еще добавил, что она создала, кроме того, и другие, менее значимые для народа произведения — скажем, скульптурную группу «Рабочий и колхозница», ставшую эмблемой «Мосфильма».

Глядя на угощение, Стас повеселел, но, не решаясь командовать в гостях, с надеждой ждал, что кто-то проявит инициативу. К счастью, одна из женщин сразу же пригласила их к столу:

— Присаживайтесь, ребята! Перекусите с дороги, да и помяните рабу Божию Анастасию!

— И правда, что-то мы проголодались! — поддержал ее старший лейтенант и, сорвав пробку, отработанным армейским движением мгновенно опрокинул содержимое «Столичной» по шести стаканам. — Помянем бабушку Настю!

— Вроде позавтракал сегодня, — проговорил Стас, у которого сразу поднялось настроение. — А все равно есть хочу... Хорошие котлеты, домашние! — похвалил он.

— Это у нас бизнес-ланч! — вспомнил новомодный термин Михалыч.

— Какой бизнес — такой и ланч! — выдал очередное изречение неупывающей Санек. — А что по этому поводу говорят классики?

— Э-э... как сказал товарищ Пушкин, «еще бокалов жажда просит залить горячий жир котлет!», — процитировал в ответ строки из «Евгения Онегина» их старший товарищ, чем вызвал не очень уместные в данном случае улыбки за столом. Впрочем, инициатива была поддержана единогласно.

Перекусив, сразу приступили к делу. Вначале они расчищали снег и помогали друг другу убирать отколотые куски мерзлой земли. Но, углубившись, поняли, что надо изменить порядок работы. В яме было тесно, потому разделились на две группы. Когда работали офицеры, работяги отдыхали, сидя за столиком у ближайшей могилы и принимая под обильную закуску стаканчик-другой. Но едва уставшие военные появлялись на поверхности, Стас, Санек и Михалыч торопливо занимали их место, изо всей, как говорится, «дури» сражаясь с неподатливой мерзлой глиной.

Пройдя еще десяток сантиметров, друзья отдыхали, прислонившись к холодной стенке ямы, курили и слушали разговоры наверху за столом. Женщины несколько раз подходили к копачам, забирая остывшую и принося горячую еду и порции горячительного. Поразительно, но то ли из-за мороза, то ли от сверхнапряженной работы никто особенно не опьянел. Офицеры вели обычные в их кругах разговоры — например, сколько стоит получить место миротворца в теперь уже бывшей Югославии, — старлей, оказывается, успел много где послужить и даже заработать ЗБЗ (медаль «За боевые заслуги»), которая из достойной военной награды превратилась в разменную монету, и спокойно рассказывал о боях, потерях и словах нового премьера о том, что всех террористов надо мочить в сортирах. Потом все трое пришли к выводу, что воевать в Чечне сейчас бесполезно, и кто-то предложил тост за остановившего эту бессмысленную войну генерала Лебеда. И тут Санек, легко подтянувшись на руках, выпрыгнул из ямы и шагнул к столу со словами:

— Господа офицеры! Вы разрешите и мне выразить мое почтение Александру Ивановичу? Я тоже в свое время служил, и мое звание — старший сержант, то есть, по-старому, унтер-офицер!

— А чего это одному тебе, унтер? — недовольно спросил из недр зем-

ли Стас. — Я — младший сержант, и я тоже хочу Лебеда помянуть. А Михалыч вообще старлей запаса... Ты от коллектива не отделишься!

— Я сказал за себя, а вы решайте сами! — ответил Санек. — Если вы «за», то идите к столу. Так разрешаете присоединиться к вам? — снова спросил он у армейцев.

— Конечно, мужики! — молодые командиры подвинулись, а старлей вновь по-армейски мгновенно разбанковал по стаканам содержимое очередной «Столичной». — Отдыхайте, курите, а мы пойдем вас менять!

— Погоди! — остановил их Санек. — Все равно мы сегодня до конца не сделаем. Завтра закончим... Я вот подумал: вы же армейцы, и у вас в части наверняка найдется несколько толовых шашек малой мощности! Одновременный подрыв по углам — и останется только выбрасывать грунт лопатами. А чтобы не обрушить стенки, лучше взять кумулятивные заряды — от них удар пойдет только вниз. Как вам идея?

«Господа офицеры» посмотрели друг на друга, словно не понимая, как подобная здравая мысль не могла прийти в голову им, кадровым военным, а затем наперебой заспорили, какое из взрывных устройств лучше всего применить. Придя к консенсусу, они с уважением уставились на неформального лидера рабочего класса, подавшего толковый совет.

— Батя, а ты в каких частях служил? — с почтением спросил старлей.

— В тех, о которых все говорят, но которых не видит никто! — помедлив, загадочно ответил Санек, и все уважительно притихли. — В общем, глубинная разведка.

— Уважаю! — понимающе кивнул офицер. — Значит, осна! — И тут же снова спросил: — Насколько я представляю, у тебя должен быть богатый опыт: стрельба, минирование, спецсвязь — и ты не нашел себе работы получше? Такие спецы, как ты — они ведь везде нарасхват. Я не говорю — в мафии, но любая серьезная фирма, по-моему, с удовольствием взяла бы тебя в службу безопасности! Сколько ты на своем заводе имеешь? Был бы ты там хоть начальником, как мой батя...

— Мне хватает! — спокойно ответил Санек. — Детей я вырастил, они теперь самостоятельные — что сын, что дочка; а жена — если ей мало, она и сама себе заработать может.

— Так ведь по специальности бы работал! — убеждал его старлей. — Такая мало у кого есть! Я бы даже не думал...

— Послушайте, ребята! — неожиданно серьезно сказал Санек. — Конечно, все вы — военные, и всех вас учили лишать жизни врага — «мочить козлов», как сейчас любят говорить — но в мое время к жизни человека относились уважительнее... даже на поле боя, где вы и своей жизнью рискуете: в бою всякое может случиться. Но для нас, где я служил — любой бой — это провал. Нас никто не должен был видеть, а кто увидел — рассказать об этом. При нас тоже были «горячие точки» — правда, только за границей... Потому что, если бы нас засекли во вражеском тылу, то наш командир прежде всего застрелил бы, по инструкции, кое-кого из своих, кто больше всего знал секретов — меня в том числе, я был шифровальщиком... И все это знали и понимали. Так что свидетелей мы не оставляли — не имели права... А убивать, если вам не оказывают сопротивления, очень легко, но и очень противно... А хуже всего, когда к этому привыкаешь и даже начинаешь получать от этого адреналин... Нет уж, лучше я буду спокойно работать и нормально с людьми общаться — поберегу остаток нервов!

— У нас многие после Чечни в церковь ходить начали! — задумчиво сказал старлей. — Были неверующими, а потом кресты надели и молиться на ночь стали. А кое-кто даже батюшками заделались, армейскими или на гражданке... Что ты об этом думаешь, отец?

— Ничего не думаю, — спокойно ответил Санек. — Хотят — пусть верят. А я... Как я всегда говорю, жизнь — это зебра: черная полоса, белая — а в конце задница. И кроме этой дыры — ничего... Меня вытаскивали с того света, после ранения, из клинической смерти, и ни фига я там не видел — ни чертей, ни ангелов. Темнота — и все... Михалыч, ты у нас самый умный, три раза паровоз видел — как там об этом говорится в «Интернационале»? Не забыл еще?

— Никто-о-о не даст нам избавле-е-нья — ни бог, ни царь, и не герой! / Добьемся мы освобожде-е-нья своею собственной рукой! — полушутя-полусерьезно пропел бывший начальник отдела, парторг и атеист, обратившийся к церкви в жестокие девяностые, после того как похоронил почти всю свою семью, а теперь пытающийся сочетать в своей жизни прежнее и нынешнее.

— Вот-вот. Так что, кроме меня самого, никто мне не поможет. Хочу дожить свой остаток спокойно и поменьше вспоминать о том, что было на войне — а там много чего было...

— Это как в фильме про Рэмбо? — спросил один из младших офицеров. — Тот тоже служил в спецназе, а потом на гражданке спокойной жизни искал. А когда сорвался из-за козлов-полицейских, то стал всех подряд мочить...

— Фильм, конечно, туфта, но смысл — да, примерно такой, — задумчиво ответил бывший осназовец.

Они еще немного поработали, пока совсем не стемнело; затем собрали инструмент и устало побрели к ожидавшей их машине. Женщины дали им в дорогу еды — сало, яйца, еще теплую курятину и пару бутылок «Столичной — Кристалл». Все чувствовали усталость, но она была иной, чем после рабочего дня на заводе — более возвышенной, что ли...

Пока ехали сквозь «шторм», сумки приходилось держать на коленях, чтобы не побились бутылки; но когда шины зашелестели по ровному асфальту, все решили продолжить банкет. Обратная дорога показала куда веселее, чем утренняя, тем более что до конца смены на заводе было еще далеко. Они спокойно доехали, совмещая приятное с полезным, попрощались с офицерами, разъехались по домам. Рабочий день был завершен.

На следующее утро, едва пошли первые автобусы, Стас уже стоял рядом с проходной и курил, когда подошли Михалыч с Саньком.

— Почему так рано, господин младший унтер? — спросил Санек. — Жена выгнала из постели за пьянку?

— Да нет... Сперва насторожилась, конечно, но когда объяснил, успокоилась. Сказала только, чтобы поаккуратней был — боится, что работу потеряю... Ну, успокоил, конечно! — смущенно объяснил Стас под смешочки друзей.

— Хорошо мне — никому ничего ни объяснять, ни успокаивать не надо! — заявил Михалыч, втайне вздохнув по прежней семейной жизни.

— Как это никому — а кошке? — прищурился Санек.

— Кошка у меня умная, понятливая и спокойная! — невозмутимо возразил старлей запаса. — Твой-то какие дела, разведчик всяческих глубин?

— Нормально. Пришел, выпил минералки — и в койку. Мне за мою службу четырехкомнатную хату Минобороны дало, так что мы с женой в

разных коннатов спим — и она даже не проснулась. И утром так же... У нее своя жизнь, у меня — своя; и всем хорошо... Ну что, пошли к начальству?

Подойдя к кабинету, они подождали немного, пока рядом не будет никого из работников, затем Санек постучал в дверь и потянул ее на себя.

— Разрешите? — спросил он у сидящего за столом начальника производства, который разговаривал с кем-то по внутреннему телефону. Тот, взглянув, кивнул, жестом пригласил всех войти и указал на стулья, расставленные вдоль стены. Положил трубку. И неожиданно «обрадовал» их, что второго дня похоронных работ не будет. Улыбаясь, начальник поблагодарил друзей за работу и объявил, что военные в их услугах более не нуждаются.

— Так мы... это... не закончили! — даже растерялся Стас. — Там еще на полдня работы...

— Я знаю! — ответил начальник. — Но там теперь справятся и без вас. Они, как люди военные, решили взрывать грунт малыми зарядами, и за пару часов все сделают. Так и велели передать, чтобы не отвлекал людей от производства! — спокойно поведал им глава ТП.

Слова были правильные, и возразить было нечего. Но для всех троих это был удар ниже пояса. Идти в цех после вчерашнего — с большой головой и трясущимися руками, с утра до полуночи ворочать тяжелые, неподъемные «теляшки»! Но ничего не поделаешь — как говорит Санек, картина Репина «Не ждали»! Они даже замерли чуточку и сидели не шелохнувшись.

Начальник производства недоуменно посмотрел на вчерашних мотыльчиков, не понимая, в чем причина задержки, взгляделся в их растерянные лица — и вдруг смутился.

— Ну, конечно же, как я об этом не подумал! — понимающим тоном заговорил он. — Вижу, после вчерашней работы трудно сразу восстановиться! Да и я обнадежил вас насчет двух рабочих дней... Хорошо! — прежним начальственным тоном объявил он. — Учитывая ваше старание на вчерашнем объекте, как и до этого на основной работе, так и быть, пойду вам навстречу. Берите со стола по листу бумаги и пишите!

Отчаявшиеся было работяги просто не поверили своим ушам. Такого еще никогда не бывало. Чудеса, да и только!

— Что писать-то? — спросил Стас, склоняясь над листом.

— Как что? Заявление на отгул... за вчерашний прогул! Шучу, конечно: за переработку! — барственно рассмеялся начальник. — Пишите, не сите в табельную, и до свидания! Завтра и послезавтра у вас выходные. И, как я уже говорил, не распространяйтесь об этом на заводе. Все, мужики, идите... хотя, погодите... вот вам и дополнительная премия!

С этими словами он достал из внутреннего кармана фирменного пиджака изящное тисненное золотом портмоне и извлек из него новенькую банкноту в пятьсот рублей, которую протянул Саньку, лидеру трудового мини-коллектива. — Много не употребляйте; полюбите — и в койку! — строго добавил начальник. — И помяните еще раз рабу Божию Анастасию!

Они вышли из кабинета с подписанными листами заявлений в руках, бережно и с гордостью держа их, словно индульгенции на свое маленькое везение. Все еще не веря в него, поглядели сквозь цех на уже двинувшийся, весь загруженный телевизорами конвейер, облепленный синими фигурками рабочих, послушали, как старший мастер на ходу инструктирует смену, настоятельно советуя мужикам не околачивать кое-чем гру-

ши, а женщинам — не ловить кое-чем мух; причем бесцеремонно и бесцензурно; и, не спеша, положив заявления на стол табельщице, степенно проследовали через проходную, мимо недоумевающих охранников — на свободу.

Здесь их мнения разделились. Стас настаивал на более быстром, дешевом и сердитом варианте «бабушка», тогда как Михалыч предлагал более благородный вариант — приличное кафе, до которого, однако, надо было добираться на автобусе. Пришлось Саньку выступить третейским судьей.

— Короче, бедные йорики, слушай мою команду! — уверенно заявил он. — К бабушке-самогонщице мы не идем — так что не волнуйся, старый, насчет качества. Мы освоим другую горячительную точку — ее мне недавно рекомендовали, и она недалеко, так что ты, Стас, тоже не переживай! Там не самогон, а настоящие напитки, с нашей ликерки, но контрабандные. Никаких акцизов, значит, дешевле, чем в магазине, и какой-никакой сервис имеется. Вам, думаю, там понравится.

— А где «там»? — спросил Стас.

— В соседнем гаражном кооперативе! — ответил Санек. — Спецгруппа, за мной!

Они прошли через боковую калитку за железный забор, где теснилось множество кирпичных или стальных гаражей. Найдя неприметное сооружение с нужным номером, Санек постучал условным стуком, и дверь, щелкнув, приоткрылась.

— Прошу, господа офицеры и унтеры! — пропустил он друзей вперед и тщательно, как до этого начальник производства, плотно закрыл за собой дверь.

Внутри был мягкий полумрак; шелестел вентилятор, наполняя воздух аппетитным запахом поджаренного хлеба. На большой электроплитке стоял противень, на котором жарились ржаные сухарики, а рядом стояла тарелка с нарезанными солеными огурцами. Тут же располагался столик со стаканами, тоже авторства Веры Мухиной, и — last but not least — бутылка «Столичной-Кристалл», поглядев на которую, друзья стали безудержно смеяться, к недоумению хозяйина-бутлегера, мужика лет тридцати пяти, шофера с ликеро-водочного завода.

— Дежавю! — отсмеявшись, задумчиво произнес Санек.

— Чего? — не понял бутлегер.

— Подрастешь — поймешь! — ответил бывший осназовец. — Мудрость — как и половое бессилие — приходит с возрастом. Да, старый? — лукаво поглядел он на ближайшего кандидата в пенсионеры.

— Значит, я еще не мудрый! — вздохнув, ответил Михалыч, под всеобщий смех. — Бабы все еще что-то у меня находят — и не только в кошельке!..

Посмеявшись, освежившись, расплатившись с хозяином и взяв у него, на всякий случай, с собой еще один концентрат хорошего настроения и пару огурцов, троица не спеша направилась к остановке.

— Все равно, он козел! — с неожиданной злостью заявил Стас, пока они ожидали автобус.

— Ты это о ком? — удивился Михалыч.

— Начальник ТП — козел! — хмуро ответил самый младший. — Он хотел вывести нас сегодня на работу. Хотя наверняка знал, что мы не сможем работать после вчерашнего!

— Но ведь не вывел же!

— Это он так, повыдѣлываться решил: хочу — казню, хочу — поми-
люю! — упрямо продолжал Стас. — А мог и не отпустить — я его знаю! Я
вообще не хотел вчера соглашаться...

— Что ж согласился? — спросил Санек.

— Тещу его пожалел. У моей как раз годовщина перед этим была. Ну,
я и... типа из солидарности... И сынок его, старлей, тоже хорош — ведь
не сказал, чья это идея со взрывчаткой, за свою выдал! И тоже, гад, не-
бось знал, что мы болеть назавтра будем — и отказался от нас!

— Да вообще он... — задумчиво сказал бывший осназовец. — Что за
армия сейчас стала — удивляюсь! Места службы за деньги покупают —
слыхал, почему миротворцы в Югославии котируются? А мы-то думали...
Он и в мафию был бы рад воткнуться, да не берут — там тоже... не нуж-
ны. Прав Лебедь: пока держава у нас не восстановится, нехрен воевать!
А то такие, как этот старлей, за бабки любую победу продадут!

— Украл он, Александр, твое ноу-хау! — усмехнулся Михалыч.

— А-а, на кой хау мне такое ноу? — отмахнулся неформальный ли-
дер. — Конкурировать с действующими ритуальщиками я не собираюсь —
себе дороже выйдет. Вы лучше скажите, что вам ваша классовая нена-
висть подсказывает делать дальше? Вернуться, бросить ему в рожу пяти-
хатку и выйти на работу?

— Еще чего! — в один голос возмущенно сказали мужики.

— Вот и я так думаю! — кивнул Санек. — Раз дали согласие, деньги
взяли, давайте уж доводить дело до конца. То есть — гуляем смело! По-
ехали в «Три пескаря» — хорошая кафешка. А там, как говорится, тол-
кач муку покажет!

— Ага, хорошо посидим, споем! — стал мечтать Михалыч.

— Ты только про Ленина и партию больше не пой! — озабоченно ска-
зал Санек. — А то и в храм Божий ходишь, и по партсобраниям скуча-
ешь. Смотри, ментов вызовут... и получим мы все статью за подстрека-
тельство к смене государственного строя... Не то что бы я этого боюсь —
просто неохота дураками выглядеть. Помнишь, Стасюк?

— Помню! — усмехнулся Стас. — Прикольно было! Нагнал ты тогда,
Михалыч, страху на всю кафешку! Но уходили мы под аплодисменты...
«И Ленин такой молодой!» Ну, прямо Кобзон!